

Несколько замечаний по состоянию криптозоологии в настоящее время

Илья Трейгер, Вашингтон США

О положении в РФ

В последнее время периодически возникают споры о том, какого поискового алгоритма следует придерживаться в ходе экспедиционных работ. С одной стороны, сторонники полного отказа от методологии Жанны Кофман, а, с другой стороны, сторонники того, что наоборот, следует эту методику возродить и по-прежнему работать по ней. Вопрос этот возник не пустом месте, а из принципа «опыт критерий истины». И этот опыт показал, что за несколько десятилетий работы Ж. Кофман, и в ее

лице всего старшего поколения криптозоологов практический результат достигнут так и не был.

Однако, как видится, сами споры на эту тему уже потеряли актуальность. Дело здесь в том, что на сегодняшний день на территории РФ активно работают 16 полевых поисковых групп. Здесь стоит подчеркнуть, что речь идет о 16 регионах, покрываемых активными полевыми исследованиями. Из этих 16-ти 14 экспедиций ведутся силами молодых исследователей, которые никогда не работали с представителями старшего поколения криптозоологов, и, следовательно, с их методиками не знакомы. Никто из участников этих групп уже по факту не работает по методике Ж. Кофман. Следовательно, и выбора уже нет, так как молодое поколение криптозоологов уже работает совершенно по другой методике и на других подходах.

Если коротко одной фразой, то принцип этого подхода заключается в опоре не на работу с местным населением, а на обнаружение материальных признаков активности объекта на местности и последующей разработке того участка, где

такие признаки были обнаружены. Если очень коротко и схематично сформулировать новую поисковую методику в виде протокола, то выглядеть это может примерно так:

п.1. Подготовительный.

На этом этапе выбирается район, из которого были наиболее свежие сообщения. Район выбирается по доступности для конкретного исследователя. Далее, при помощи исследования спутниковых снимков этого района выбирается участок/территория, где присутствие искомого примата видится наиболее вероятным - наличие болот с болотными гривами, наличие тропинок выхода с таких болот, наличие звериных троп выхода из леса к реке и пр.

п.2. Разведка.

Группа выезжает на выбранный участок/территорию и проверяет его на предмет наличия материальных признаков активности примата на этой территории - приставные стволы, шлагбаумы, шалаши и прочая лесная архитектура.

п.3. Проверка на динамику.

Если материальные признаки активности найдены, участок проверяется на динамику активности. Например, кладем подкормку и на следующий день смотрим, взяли ли эту подкормку. Или, видоизменяем маркеры - переставим приставной ствол, откроем шлагбаум, если он был закрыт и т.д., а потом проверяем, исправил ли хозяин этих маркеров то, что испортил человек.

п.4. Привязка объекта к конкретной точке.

Если динамика активности подтвердила постоянное присутствие объекта на данном участке, начинаем прикармливать объект в конкретном месте. Здесь имеется в виду прикормка в самом широком смысле этого слова - подкладывание еды, ярких предметов, игрушек и т.д. Делается это систематически на протяжении недель и месяцев с тем, чтобы привязать объект к данной точке, что потенциально дает возможность даже увидеть его. Пусть мельком, пусть под прикрытием деревьев, но все же увидеть.

п.5. Получение предъявляемого материала.

На этом этапе минимум, чего надо добиться, это визуального контакта с объектом в дневное время и на открытом месте - без прикрытия деревьями или

кустами, так как только таким путем можно получить фото- или видео материалы доказательного качества.

И сегодня мы видим, что большинство тех групп, кто действовал и действует в соответствии с этим поисковым протоколом, уже получили результаты. Некоторые по четвертый пункт протокола включительно. Остальные находятся на уровне пункта третьего. Результата на пятом этапе протокола получить пока никому не удалось. Задача здесь в том, чтобы добиться визуального контакта с объектом на расстоянии до 100 метров в дневное время, но не среди деревьев, а на открытом месте. И чтобы объект наблюдался не мельком, а минимум в течении 20-30 секунд. Тогда при наличии соответствующей оптики и готовности людей, можно будет получить фото или видеоизображение требуемого качества. По сути, это и есть та самая главная задача, решение которой стоит на повестке дня и требует наших коллективных усилий.

К сожалению, данный протокол обладает и очень серьезным недостатком. Он применим только людьми, у которых есть возможность постоянно находиться в непосредственной близости от участка наблюдения и систематически его посещать хотя бы один-два раза в неделю. Но для исследователя, который может себе позволить лишь одну-две вылазки в году (во время отпуска, например), действия по данному протоколу практически невозможны. Однако...

Подробное изучение работы нескольких последних экспедиций привело к разработке еще одного варианта поискового протокола, который, во-первых, пригоден именно для тех, кто может позволить себе одну-две вылазки в году, а, во-вторых, еще и решает задачу, упомянутую в п.5. предыдущего протокола, решить ту проблему, которую следует рассматривать в качестве главной на данный момент. Подробно этот протокол сейчас обсуждать не целесообразно, так как пока он носит чисто теоретический характер. В текущем сезоне предполагается экспедиция, где этот поисковый протокол можно будет проверить. По результатам и будем решать, стоит принимать его в качестве поискового инструмента или нет.

При этом ни в первом случае, ни во втором нет ничего общего с тем алгоритмом поиска, который когда-то продвигала Ж. Кофман. И в любом случае, главная задача остается все та же - получить фото или видеоматериал доказательного качества.

Что же касается того, что конкретно следует считать предъявляемым материалом, то об этом следует сказать отдельно. Так как получение трупного материала представляется маловероятным, ряд исследователей настаивают на том, что упор следует делать на получение образца ДНК для последующего генетического анализа. Однако данная цель выглядит реалистичной лишь на первый взгляд.

Представьте себе ситуацию, когда в двери Института генетики, например, стучится человек с ваткой в руке, заявляет, что эта ватка содержит образец ДНК снежного человека, и он на этом основании просит институт официально провести дорогостоящий полный генетический анализ. Станет ли руководство института вести серьезный разговор с таким случайным прохожим на том лишь основании, что у него в руке ватка? – Вряд ли. Хорошо, если охрану не вызовут.

Совсем другое дело, если посетитель предъявляет фото или видеоизображение, причем такого качества, что изображения не вызывают никаких сомнений. И уже к этой съемке прилагает образец ДНК - мол, вот вам фотографии СЧ, а вот ДНК этого же объекта. В этом случае, согласитесь, совсем другой разговор может получиться. Да, в США достаточно только одних таких фотографий. В РФ этого недостаточно, нужен еще и образец ДНК. Но без фотографий ни в США, ни в РФ серьезно разговаривать никто не станет. Так что же в таком случае следует считать главной задачей, получение фотографий или тратить время на сбор плевков, волосков или даже крови и наполнять этими ватками карманы? Получается, что от этих ваток не больше пользы, чем от развешивания по стенам очередных слепков очередных следов. Следовательно, без качественной фото или видеосъемки никакого разговора с официальной наукой не получится в принципе. Следовательно, как уже было замечено выше, именно получение такой качественной съемки и является первоочередной задачей.

Естественно, что такое положение вещей вызвало у ряда криптозоологов опасение, что речь идет вообще о полном отказе от наследия криптозоологов старшего поколения. Здесь следует подчеркнуть, что ни о чем подобном речь не идет. Более того, любые предположения подобного рода следует считать необоснованными и откровенно вредными.

Дело в том, что сегодня положение криптозоологии примерно похоже на то, что происходило с этологией на рубеже 19-го - 20-го столетий. Этология тогда

тоже официально научным направлением не признавалась, а рассматривалась в качестве некоего любительского занятия. И такое состояние дел тянулось вплоть до 30-х годов прошлого столетия, пока Конрад Лоренц не представил научной общественности прямые предъявляемые доказательства научного факта, который он установил именно в ходе этологический исследований. Как только это произошло, этология сразу была признана официальным направлением биологической науки, а все, что было наработано до К. Лоренца и одновременно с ним, приобрело научный статус и дало серию блестящих научных статей. Выиграл от этого и сам К. Лоренц, конечно же, получив Нобелевскую премию. Примерно в таком же положении находится сегодня и криптозоология. Она пока не признается официальным научным направлением в биологии, а рассматривается, скорее, как одна из форм любительского натурализма. Но стоит только хоть где-нибудь, в любой точке планеты получить предъявляемые доказательства, обеспечивающие нашему объекту официальное признание, как криптозоология в тот же момент приобретает статус официальной науки, а все, что было наработано предыдущим поколением криптозоологов равно, как и сегодняшним поколением криптозоологов, включая самых молодых, приобретает научную легитимность и становится предметом публикации множества научных статей. Поэтому, на мой взгляд, все обстоит как раз наоборот. Поэтому любые разговоры о, якобы, отказе от багажа Ж. Кофман, а в ее лице и всего старшего поколения криптозоологов лишены какого-либо смысла.

О положении в США

Вопрос о положении дел в американской криптозоологии тоже возник не на пустом месте. Ряд исследователей уже не единожды высказывали мнение о том, что, вероятнее всего, предъявляемые доказательства существования снежного человека будут в ближайшем будущем получены не в России, а в США, и тем самым российские исследователи имеют все шансы уступить первенство американцам. В качестве фактов, дающих такое преимущество, он чаще всего приводят тот факт, что съемочной аппаратурой профессионального качества в США пользуется большая доля населения, нежели в РФ, и тот факт, что в США легче организовать исследование материального образца, чем в РФ. На уровне общих рассуждений, такое представление видится вполне логичным. Но только на уровне самых общих фраз. Если же вспомнить, что “черт в деталях”, то оказывается, что ситуация выглядит не столько однозначно. Начнем с фотографии.

Да, действительно, в США большая, чем в РФ доля фотолюбителей может себе позволить съемочную технику профессионального качества. Более того, среди натуралистов, как любителей, так и профессионалов техникой высокого качества пользуются почти 100% людей, включая детей в возрасте от 8 лет и старше. Но действительно ли этот фактор так уж увеличивает шансы американцев на успех по сравнению с россиянами? Давайте разберемся.

Дело в том, что большая часть всех этих любителей природы камеры-то имеют профессионального качества, но объективы к этим камерами используют с фокусными расстояниями в пределах от 18 мм до 200 мм. Такая оптика хороша для съемки пейзажей, съемки цветочков, кузнечиков и прочей мелкой живности, к которой можно подойти вплотную. Но для съемки уже таких животных, как лисица, подобная оптика непригодна. Здесь уже нужен объектив не менее 300 мм. А для съемки нашего объекта, которого вряд ли удастся увидеть с расстояния меньше 80-100 метров, нужна уже оптика 500-600 мм. А это, кроме всех прочих деталей, очень солидный вес. Немного найдется любителей прогулок на природе, готовых таскать при себе гиру весом в 4,5 кг. То есть, да, чисто физическое количество лиц, использующих качественную технику в США больше, но тех, кто использует технику, пригодную для съемки нашего конкретного объекта не так уж и много.

Кроме того, нельзя забывать, что закон Лавуазье никто не отменял. Если мы выигрываем в чем-то одном, то это всегда за счет потерь в чем-то другом. Фотокамеры профессионального качества дают нам выигрыш в качестве конечного изображения, но при этом мы существенно проигрываем в оперативности. Иными словами, профессиональная техника практически лишает нас возможности съемки навскидку внезапно появившегося объекта. Те камеры, которые используются в видеорегистраторах, фото ловушках, ГоПро и прочих, работают сами по себе. В этих случаях снимает не фотограф, а камера сама. Фотограф ее просто однократно включает. А дальше камера автоматически фиксирует все, что попадает в поле ее зрения. Камеры же профессионального качества такими свойствами не обладают. Они рассчитаны на то, что снимает не камера, а фотограф. А камера — это просто инструмент в руках фотографа. Для каждого вида съемки камера требует установки своих конкретных параметров. И различные типы объектов тоже требуют установки разных параметров. И параметры эти должен устанавливать сам фотограф, т.е. он должен уметь это делать. Так, для съемки сидящей на болоте птицы требуются совсем не такие параметры, как для съемки птицы в полете. Съемка

птиц требует других установок на камере, чем съемка таких животных, как лисица, например, и т.д. Поэтому, чтобы получить качественные резкие снимки, фотограф отдельно готовится к каждому конкретному типу съемки, конкретных типов объектов и быстро переключиться со съемки объекта одного типа на объект другого типа просто не в состоянии. На такое переключение с режима на режим уходит обычно около минуты, что в отношении нашего объекта слишком долго. Это один тормозящий фактор.

Второй негативный фактор заключается в серьезных трудностях, связанных с получением резкого снимка при использовании сверх телеобъективов. Если вы купили самый лучший набор инструментов для ремонта автомобилей, значит ли это, что вы сможете отремонтировать этот автомобиль? – Нет, поскольку к инструментам необходимо еще и умение, как пользоваться инструментом, так и само умение ремонтировать машины. То же самое и здесь. Если съемка ведется со штатива, то особых трудностей нет, и такая съемка никакого особого умения от фотографа не требует. Однако (!!!), чтобы снимать со штатива, надо точно знать, где этот штатив установить и куда объектив камеры направить. Иными словами, надо точно знать, где и когда наверняка появится наш объект. А часто ли мы это знаем? – Мы этого никогда не знаем. Следовательно, остается только один путь – съемка с рук. И здесь уже проблемы возникают вполне серьезные.

Чтобы получить резкий снимок сверх телеобъективом съемкой с рук живого объекта, находящегося на расстоянии 80-100 метров, фотограф должен жестко следовать вполне определенному протоколу. Тому же протоколу, по которому действуют стрелки-снайперы. А именно:

- п.1.** Поймать объект в поле зрения видоискателя.
- п.2.** Зафиксировать объект в перекрестье прицела.
- п.3.** Выровнять дыхание.
- п.4.** Задержать дыхание на полувывдохе.
- п.5.** Плавно нажать на спуск между двумя ударами сердца.

Многие ли могут с уверенностью утверждать, что способны с первого раза выполнить этот протокол и получить качественный снимок? – Никто. Возможно, что даже с десятого раза получится далеко не у каждого. Даже для

фотографов-профессионалов, работающих в таких режимах, совершенно официально допускается брак до 20%.

Учитывая все это, понятно, что вряд ли сам факт более частого использования американцами качественной фото- видеотехники так уж увеличивает их шансы опередить российских исследователей в получении доказательного материала по отношению к нашему объекту.

Есть, однако, ряд факторов, которые действительно в известной степени увеличивают шансы американцев на успех. В частности, это такой фактор, как особенность американского законодательства.

Не единожды упоминалось, что съемка автоматическими компактными камерами для этого непригодна даже в том случае, если будет получен резкий снимок. Однако, важно заметить, что в США правило это справедливо только для частных камер. То есть, для тех камер, которые принадлежат частному лицу, и, если съемка ведется этим частным лицом. Совсем другое дело, если такая камера является официальной, т.е. находится в руках полицейского, рейнджера, паркового служащего и пр. В этих случаях изображения, полученные даже такими камерами, обладают в полной мере доказательным весом. А учитывая, что, с одной стороны, наши приматы стали чаще появляться на задних дворах частных домов и в заповедниках, где кроме диких животных прогуливаются еще и «цивилизованные обезьяны», а, с другой стороны, рейнджеры, полицейские и парковые работники стали фиксировать признаки активности этих гоминид в ходе своей работы, данный фактор явно выглядит дающим реальные шансы американцам опередить российских исследователей на этом направлении.

Есть и еще одна весьма важная деталь. Дело в том, что последние 3-5 лет в США большую популярность приобрела новая система охраны частных домов, которая в настоящее время очень быстро внедряется по всей территории страны. Представляет она собой 3 следящие камеры. Поле зрения первой покрывает пространство перед главным входом. Поле зрения второй камеры покрывает пространство перед въездом в гараж. А поле зрения третьей камеры покрывает все пространство заднего двора, включая и задний выход из дома. При этом, каждая камера одновременно записывает все, что видит на собственный блок памяти и транслирует изображение в прямом эфире владельцу на телефон и на блоки памяти в местном департаменте полиции. Более того, если кто-то извне входит на территорию владения, камера посылает

владельцу звуковой сигнал и автоматически включает прямую трансляцию на телефоне. Если владелец видит, что на его территории находится чужой, то нажимает кнопку «SOS», и сигнал сразу подается в полицию, которая высылает наряд на место происшествия. Так вот, вся суть заключается в том, что эти охранные системы устанавливают компании, имеющие лицензию от местного департамента гражданской безопасности, то есть, все эти камеры являются официальными, и изображения ими полученные имеют доказательный вес. Очевидно, что и этот фактор, как и предыдущий, тоже очевидным образом увеличивает шансы американцев на получение подтверждающих материалов раньше российских исследователей.

Однако ж, опять-таки, этот столь неприятный закон Лавуазье. Здесь оказывается тоже не так все гладко, поскольку все тот же черт все в тех же деталях.

Проблема в том, что для того, чтобы стать доказательством, недостаточно, чтобы камера была просто официальной. Нужно еще, чтобы снимок получился резким. А при съемке такими камерами резкое изображение можно получить только, если объект находится вблизи плоскости наводки. Для этих камер это в среднем в интервале 10-15 метров от объектива. То есть, чтобы выйти резким, объект, зашедший на задний двор, должен практически вплотную подойти к двери заднего входа. А такого еще ни разу не было. Во всех случаях, когда такое происходило, гоминоид топтался или на периферии двора, или на его границе. Да и у парковых служащих и рейнджеров тоже не велики шансы встретить живой объект на таком близком расстоянии.

Так что, по всему получается, что все эти шансы на первенство для американцев носят, скорее, теоретический характер. С практической же точки зрения, какое-то преимущество у них, конечно, есть, но оно не настолько велико, чтобы сбавлять обороты в исследованиях на территории РФ.

Март 2023 г.

itreyger@gmail.com